

Мартин ХРАНКО

Фурко и Мурко

Перевод со словацкого П. Каликина

Лес, родничок, запруда, старый дуб, ореховый куст — всё это на солнечном склоне холма. Внизу, под запрудой, зелёная полянка, поросшая можжевельником. Кое-где растут и ёлочки. Меж деревьев несмело вьётся ручеёк, который запруда питает чистой водой. А за ореховым кустом взгорбился большой, поросший мохом камень. С незапамятных времён жил под ним род Ежковцов. Когда они забирались в ямку, высланную мохом и сухими листьями, чувствовали себя в полной безопасности. Летом под камнем была приятная прохлада, а зимой — тепло и уют. И, право, никто к ним ворваться не мог. Когда затыкали норку камешком, их дом становился неприступной крепостью.

Однако этой весной под камнем царил печаль. После большой охоты лес словно вымер. Долго никто даже пикнуть не отваживался. Старики Ежковцы тоже пропали. Исчезли, словно сквозь землю провалились. Кто знает, что с ними случилось! Даже сойка Пхе о них слыхом не слыхивала, хотя она весь лес и всё поле облетела вдоль и поперёк. Уцелели только Мурко, Фурко и его жена Мучка. Долго, очень долго не отваживались они высунуться из-под камня. Экономили то, что было на зиму насушено и что ещё старики Ежковцы заготовили. Однако и эти запасы таяли. Хозяйственный Фурко их тщательно осматривал, пересчитывал, прикидывая, насколько хватит еды. Он часто выглядывал из-под камня. Ждал с нетерпением, когда же растает снег, чтобы можно было насобирать свежей пищи и пробежаться по округе, а то от сидения в норе лапки чуть не заостенели.

Брат его — Мурко — тот вовсе не беспокоился, будет ли у них завтра еда. Он спал и предавался праздным мечтаниям, мечтал и снова спал. Когда Фурко давал что-нибудь на зуб, он грыз, а когда нечего было грызть, засыпал и так. Очень даже неплохо держался. Иногда его вдруг распирало от смеха, он громко смеялся без всякой видимой причины. Думалось Фурко, что ему просто ума не хватает, поскольку он ещё мал. Он потакал ему, пусть пока отдыхает. Когда подрастёт, будет у него полно забот. Фурко любил своего брата. И потому готов был простить ему любую провинность.

Но вот пришла весна. Всё зазеленело. Косогор огласился весёлым щебетом шайки пернатых разбойников, а Мурко так и не обрёл ни капли разума! Фурко терзался: что с ним делать, как вправить ему голову, чтобы из него получился порядочный лесной ёж, но так ничего и не придумал. Мурко только о том и заботился, как бы ему позабавиться. Он и себя не берёт. Никакой осторожности. Это тем более огорчало Фурко, поскольку в лесу очень нужна осторожность.

Мурко переживания брата были безразличны. Не дождался он дня святого Юрая и выбрался из-под камня. И сразу направился к своему любимому месту — запруде. Там он просиживал до темна, коротая время различными проказами.

В запруде жило несколько лягушат. Они не давали Мурко покоя. Вот один лягушонок нахально распластался на водной глади, сложил лапки и выкаченными глазами так смотрит на мир, словно весь он ему принадлежит. И такая у него до самых ушей раскрытая пасть, словно он всему миру язык показывает. И даже глазом не повёл, когда Мурко лапкой взволновал водную гладь запруды. Да он просто

наслаждается, когда волны его приподнимают, покачивают и ещё больше глазища тарашит.

Мурко перешёл на другую сторону запруды. Замахнулся на лягушонка хворостинкой. А лягушонок ни звука. Мурко подошёл поближе к берегу и передней лапкой попробовал небольшой камешек, не качается ли он. Когда убедился, что камень держится в грязи, сел на него. Потом потянулся и шлёпнул лягушонка хворостинкой промеж глаз. Тут он потерял равновесие и бултых в воду! Вот уж не сказал бы, что она была тёплой. Бросил он хворостину и поспешил на берег. Лапки его вязли в грязи, чуть-чуть не утонул. Покашливая, чихая, отряхнулся он на берегу. Знал уже, чем это грозит. Насморк заработает. Будет ночью храпеть. Мучку разозлит. Придёт в дом беда — отворяй ворота. Чтобы избежать беды, решил он на солнышке пропотеть. Когда выбрался на мох возле ручейка, растянулся, чтобы вытереть брюшко. Вода не доставляла ему столько хлопот, сколько грязь на носике и, главным образом, на иголках. Фурко будет ему выговаривать, что он грязнуля, что он стыдится его неряшливости.

Однако стоило ему немного обсохнуть и вылизаться запруда снова не давала ему покоя. Взбаламученная вода понемногу успокоилась. Лягушонок лежал на поверхности, повернувшись вверх брюшком. Задние лапки его были выпрямлены, а передние сложены за головой. Он сладко спал как ни в чём не бывало. И какое у него было красивое, пятнистое брюшко! Со спины лягушонок выглядел такой рябой уродиной, а со стороны брюшка — как молодой мухомор.

Небольшие волны отнесли лягушонка на край запруды. Мурко взял другую хворостину. Он подкрался тихонечко, потому что знал, что лягушонок затаился. Осторожно подсунул хворостину ему под спину и хоп! Он уже валяется в траве. Повернул его лапкой навзничь, чтобы лучше рассмотреть красивое брюшко. В самом деле! Действительно красивое, пятнистое брюшко! Напрасно сравнивал его со своим. И близко не было ничего похожего. Тронул его лапкой. Сначала осторожно, только одной. Но коль скоро лягушонок не шевелился, осмелился и обоими. А лягушонок терпел, даже не шевельнулся. А как хорошо он пахнул. Казалось, что чем сильнее он гладит, тем приятнее пахнет лягушонок. Если бы Мурко был голоден, ничто на свете не спасло бы лягушонка. А сейчас он пожалел его, за это красивое брюшко.

Именно так!

Вдруг у Мурко зачесался глаз. Он его потёр. Но вот беда! Стал он чесаться ещё сильнее. Потёр он другой лапкой второй глаз. Ещё того хуже. Чешется и чешется. Да нет. Жжёт. Быстро подскочил он к запруде и начал обоими лапками промывать глаза. Не перестаёт и всё тут. Ещё сильнее жжёт. Мурко пустился в дикий пляс. От боли он топал, скакал. Пожалуй, ещё никогда не отплясывал такого одземка, как сейчас возле запруды. Но ему было не до веселья. В клубок свернулся и катался по траве. Так что голова закружилась. А жжение в глазах так и не прошло.

Вот таким свернувшимся и застал его Фурко. Сначала он испугался. Хотя Мурко был вертопрахом, он его любил. Ведь они были братьями. Но когда из отрывоч-

ных фырканий он узнал от Мурко, что тот гладил пятнистого лягушонка, принялся смеяться. Он давно уже знал, что лягушата выпускают из бородавок водичку, которая сильно жжёт глаза. Так лягушонок защищается от врагов, как ёжик иголками. Боль скоро пройдёт, а Мурко станет на один опыт богаче. Так ему, проказнику, и надо!

— Видишь, — выговаривал он, — надо было идти со мной под тот можжевельный куст, где шмели строят гнездо. И ничего бы с тобой не случилось. Там есть довольно крупные насекомые, худоватые после зимней нищеты, но мясо вкуснее костей. Никогда не слушаешься, а потом расплачиваешься.

Мурко терпеть не мог укоров Фурко. Всегда его раздражало, когда Фурко повторял, что он неряха. А сейчас, когда глаза так жгло, и того хуже. Вместо сочувствия брат его ещё и высмеивает!

— Ты потрепи немного, всё пройдёт, — уговаривал его Фурко. — А на будущее оставь лягушонка в покое. Сам знаешь, что мы разводим их на святочное жаркое. А сейчас ложись. Пока выспишься, боль пройдёт.

Мурко ничего не сказал. Он только стиснул маленькие зубки, чтобы не фыркать от боли. Надо ему набраться мужества, чтобы Фурко не смеялся над ним ещё больше. И чтобы не рассказал невестке Мучке. Сгоришь от стыда...

Поторопился он под камень. Радовался, что не застал дома Мучку. Свернулся в клубок и страдал. Страдал довольно долго.

Боль и в самом деле постепенно прошла. Как только она уменьшилась, Мурко принялся составлять грозный план мести лягушатам в запруде. Конечно, он отомстит им жестоко. Ну, лягушата! Порядочный ёж из-за них мог лишиться глаза.

***

Ежковцы не случайно жили возле запруды. Небольшая запруда возле норы — это очень хорошая вещь. Приличная ямка с чистой холодной водой служила Ежковцам родником, купальней, холодильником, хлевом и кто знает, в каких ещё целях она употреблялась. Но главным образом её использовали как кормушку и хлев.

Ещё старики Ежковцы учили Фурко и Мурко, что они должны ценить запруду, что они должны её обихаживать. Эти добрые наставления принял к сердцу только Фурко. Мурко же с детства возле запруды только баловался. Отговаривался, что пасёт лягушат, что порой и хотел бы поротозейничать, да времени нет. В запруде Ежковцы разводили различных водных насекомых, тучных пиявок, но главное — лягушат. Если неожиданно приходили гости, Фурко бежал к запруде словно в хлев. Хватал какого-нибудь лягушонка или вытаскивал на жаркое откормленную пиявку — вот уж была свежатинка! Многие завидовали Ежковцам, что их усадьба располагается в таком замечательном месте.

***

Фурко всё нравилось в родных местах. Мурко вовсе нет. Он хотел бы бродить по всему свету. Хотел бы летать как сойка Пхе, чтобы увидеть и узнать, что творится за горами за долами. Фурко часто заставлял его врасплох. Когда спрашивал его, о чём он мечтает, Мурко только плечами пожимал либо сердито ворчал в ответ:

— Не желаю быть таким домоседом, который кроме места своего рождения не познал ничего. Надо идти по свету, смотреть, пробовать, научиться легче жить...

Размышления о том, как легче жить, занимали у Мурко столько времени, что он ничего не делал, не успевал.

На эту мысль навела его куропатка Чичибу. Однажды случайно, просто так от скуки, отправился он в лес. Встретил там куропатку. Настрекотала она ему, что всё на свете видела и всюду вольной птицей летала. Эх, хотел бы и он быть вольной птицей! А не таким косматым несчастным поползнем без крыльев. Крылья, только крылья могли предоставить свободу. Часто в зеркале воды он осматривал свою спину, не пробиваются ли у него крылья? Однако так ничего и не увидел, да и не слышал он, чтобы кто-нибудь из его предков имел крылья. Поэтому раздосадованный бегал он вокруг запруды. Издевался над лягушатами, пливунцами и пиявками.

После боли, которую причинили ему лягушата, он спал хорошо. А как только проснулся, тотчас задумался, как бы отомстить всем этим ненавистным негодьям в запруде.

Вот он встал. Потянулся, пожевал и почмокал язычком. Есть ему хотелось так. Что слюнки текли, но месть прежде всего.

Высунул он носик из-под камня. Свет ослепил его. Был день, а в это время Ежковцам не полагается бродить по свету. Фурко и Мучка спали. Вот он и решил воспользоваться их сном, чтобы не было свидетелей. Выбрался он из-под камня тихонько, чтобы не разбудить их. Вокруг было вполне тихо. Только пернатые певцы где-то шлифовали свои горлышки, но их не стоило бояться. Скорее они предупредят об опасности. Он подошёл к запруде и посмотрел на водную гладь. Здесь загорало несколько лягушат.

— Ну и кто из них виновник? — проворчал он. Похожи друг на друга как два яйца.

Наконец он решил, что переколотит их всех. Среди них, разумеется, окажется и тот нахальный лягушонок, который причинил ему столько боли.

Он обошёл вокруг запруды. Даже не заметил, что намочил лапки и брюшко. Только косился на лягушат. Глаз с них не спускал.

— Ну, подождите, я вам задам за вашу наглость!

Нашёл он хворостину. Да такую внушительную. Почти дубину. Потом спустился к ручейку, который вытекал из запруды. Когда принялся за дело, лапки у него немного озябли. Но он должен был вытерпеть. Должен! Посреди ручейка лежал довольно большой камень. На нём задерживались веточки, сучки, опавшие листья.

Они запрудили ручеёк так, что вода не могла свободно протекать. Мурко пришлось потрудиться, чтобы отбросить мусор. Оставался камень. Почти такой же, как он сам. Камень никак не сдвинуть, хотя он по-всякому пытался. Наконец подсунул под него дубину и навалился.

Бац! Подгнившая дубина сломалась. Мурко воткнулся носом в самую грязь.

— Фу! — зафыркал он. — Ап-чхи!.. Ап-чхи!..

Лягушата на водной глади вытаращили глазищи. Безусловно, они смеялись над ним.

Мурко рассердился ещё сильнее. Он уже не боялся ни воды, ни того, что она холодная. С яростью выгребал он из-под камня грязь. Потом прыгнул на другую сторону запруды, к родничку. Хотя вода почти полностью залила его, он что было сил упёрся в камень. Тот покачнулся. Он навалился ещё сильнее. И застонал. Того и гляди пупок развяжется. Камень перевернулся.

Сильный напор воды подтолкнул и Мурко. Вместе с камнем он покатился вниз по ручью. Это было страшно. То он был сверху, то камень на нём. Хорошо, что равнина была недалеко. Здесь течение ослабло и ёжик смог спастись от стремительно-го потока.

Камень чувствительно придавил Мурко переднюю лапку. Кусочек кожи оторвал и один коготок был повреждён. Эх, именно тот, которым он имел обыкновение почёсывать носик! И всё из-за этих лягушат. Ну, ладно. Теперь у них в запруде больше не будет воды. Подохнут, все подохнут. Так им и надо.

На трёх ножках вскарабкался он обратно к запруде. На четвертую ножку наступить не мог. Болела. Онлизал её немножко. Может, перестанет.

Из лесочка над Мурко посмеивался сорокопут:

— Дай им, дай и — убегай!

От кого он должен убежать? От лягушат и пиявок? Ещё увидят, что он с ними сделает.

Запруду он нашёл пустой. Лягушата, пиявки и вся водная нечисть перебрались на дно. Если бы у него так не болела правая лапка, взял бы он дубинку и разом всех переколотил.

Однако в этом нет необходимости. Он уже отомстил. И сразу выпрыгнул на газон. Покатается, обсохнет и будет чист. Потом пойдёт и хорошо выспится. Фурко и не узнает, кто навёл такой порядок в запруде...

Но вот беда! Даже отдохнуть не успел после тяжёлой работы, впилась ему в брюшко одна нахальная пиявка. И как впилась!

Мурко сильно испугался. Никогда не случалось, чтобы такое чудовище к нему прилипло. Да если бы просто прилипло! Оно впилось! И извивалось, словно маленькая змея. Фу, змея! Отвратительная тварь. И кто знает, не вырастет ли из этой пиявки змея. Пожалуй, это возможно. Правда, старики Ежковцы говорили, что пиявки очень вкусные. Они без костей, поэтому их разбирать не нужно. Мурко пиявок пока ещё не пробовал.

Схватил он пиявку здоровой лапкой и попытался оторвать. Не получилось. А

она надувалась и росла на глазах. У Мурко мороз по спине пробежал. Если она так растёт, то можетне только высосать кровь, но и его целиком съест!

Убегать позорно, но иногда это помогает. Бегством и Мурко уже несколько раз спасался. Пустился он бежать. Бежал, бежал, бежал, а от пиявки так и не избавился...

– Чихи... Чихи... – прозвучало в поле.

Мурко остановился. Это была куропатка Чичибу. Баюкала неподалёку. Он побежал на её голос. Добежал до поля с молодым клевером, пустился вдоль борозды, где клевер был пореже. Пробежал мимо заячьей лежанки. Вдруг, хоп! Из ямки выскочил молодой заяц Нуфик. Сложил он ушки за спину и припустился вверх по борозде так, что у него под хвостом только пятки засверкали. А Мурко испугался. Припал он к земле. Нуфик недалеко убежал. Остановился. Сел на задние лапки, наострил уши и вытаращил заячьи глазищи. Потом носом повёл, чтобы нюхом проверить, нет ли поблизости опасности.

– Чихи... Чихи...

Как только Нуфик услышал куропатку Чичибу, он сразу стал смелее. Гораздо смелее. Сказать по правде, он ничего на свете не боялся. А убегал всего лишь из осторожности, ну и когда сухой лист зашуршит.

За Нуфиком побежал и Мурко. Пиявка не давала ему покоя.

– Ну и ну, от кого это ты убегаешь? Ничего не бойся, ведь я с тобой, – остановился Нуфик.

Мурко запыхался от бега. А тут ещё эта пиявка! И сосёт! И не отпускает его! А что же потом будет, когда она совсем его съест?

– Быстрее... посмотри... ест меня! – торопил зайца Мурко и повалился на спину.

Нуфик повёл носом, осторожно приблизился к Мурко и присмотрелся, что же это за чудовище у него на брюшке. Тронул его лапкой. Молчит. Нуфик отпрыгнул.

– Ничего не бойся, – успокоил его Мурко. – Я же тут!

– Чихи... – отозвалась Чичибу совсем рядом.

– Ага. Она уже близко! Позовём её. Ничего не бойся.

Чичибу осторожно высунула голову из клевера. Увидела Нуфика, а рядом с ним кочку. Подбежала, чтобы сесть на неё. И вдруг отскочила.

– Чтоб тебе... Все ножки исколола. Мог бы дать знать о себе!

– Мог бы, но когда болит... Ой, как болит... сосёт ужасно... помоги! – попросил Мурко сам не свой.

– Не бойся, – сказал Чичибу. – Я знаю, как помочь. Однажды я видела, как такой червяк присосался к носу косули. И знаешь, что она сделала? Побежала к кормушке с солью. Потёрлась носом о солёную глину, и червяк отвалился.

– А если она меня за это время съест? – горевал Мурко.

– Терпи и будь мужчиной.

Чичибу взлетела, чтобы убедиться, не грозит ли им опасность.

Мурко с сожалением посмотрел на неё. Жаль, что нет у него таких крыльев.

Как бы они сейчасгодились! Он последовал за Нуфиком, который легко скакал через клеверное поле к лесу.

Корыто с солью стояло на самой опушке леса. Им повезло. Косуля или олень перевернули корыто. Иначе Мурко до него не добрался бы. Соль была рассыпана и растоптана по земле.

Мурко даже ждать не стал, что посоветуют ему Нуфик и Чичибу. Тотчас опустился он брюшком на размокшую соль.

И диво-дивное!

Пиявка отцепилась и заизвивалась по глине, выпуская алую кровь, которую высосала у Мурко.

Мурко выдохнул. Очень глубоко. Ведь он уже думал, что не миновать беды. А теперь он должен истребить эту пиявку. Хотел затоптать ей как лягушат, но побялся, как бы она к нему снова не прилипла. Не дай Бог к носу! Что тогда делать? Он осторожно привалил её глиной. Пусть делает там, что хочет. Даже если задохнётся.

— Говорил же я тебе, ничего не бойся, когда я тут, — похвастался Нуфик.

— Чихи... Чихи... — согласилась Чичибу. — А я о чём говорила?

Мурко подпрыгнул от радости. И тут же присел, застонал. На больную лапку наступил.

***

Как только стало вечереть, Мучка проснулась. Фурко ещё спал. Она его дёрнула, чтобы вставал. Прервала самый приятный сон. Однако он не ворчал. Не хотел сердить Мучку. Выбрался он через лаз из-под камня. Хотя глаза ещё слипались, он осмотрелся вокруг. Как-то не верилось, что Мурко вдруг стал такой ранней пташкой. Так он его и не увидел, ну и побрёл к запруде промыть глаза студёной водой.

Возле запруды ожидала его большая неожиданность. Несколько раз он протёр глаза, не обманывает ли его зрение. Однако увидел одну и ту же картину: запруда почти опустела. Прикусил он язык, почесал за ухом, не снится ли ему? Нет. Вовсе нет.

— Мучка, Мучка, скорее сюда, — закричал он под камень.

Мучка громко проворчала, что он без неё даже пальцем пошевелить не может, но всё же высунула нос.

— Мучка, видишь ли... Ты посмотри-ка... Это... Это...

— Надеюсь, мы не будем смотреть как трава растёт, — отвечала она ему, ещё ничего не видя.

Фурко был смелым ежом, но стоило Мучке посмотреть сурово, отвага сразу оставила его. Лучше не трогать её, так спокойнее.

А Мучка ему из-под камня:

— Я и так поняла, что что-то случилось. Чуть что — сразу я. И всегда только я. А ты, вместо того, чтобы как каждый порядочный ёж...

— Но Мучко, ты только посмотри. Ну, я-то тут причём? Мне всего лишь хотелось днём отдохнуть.

— И что же случилось?

Фурко не знал как бы ей на скорую руку сообщить неприятное известие, чтобы она ещё больше не рассердилась. Он кинул головой в сторону запруды.

Мучка тотчас притихла и присела рядом с Фурко.

— Что б вам всем!.. Давно я вам говорила, а ты хоть бы что. А этот лентяй где-то шляется. Нет бы присмотреть. Так вам и надо. Не заботились — будете теперь зубами клацать...

И мучка во всю пустилась попрекать его. Она не была ворчливой старухой, совсем недавно свадьбу сыграли, но язычок у неё был хорошо подвешен.

— Как же это могло случиться? — ворчал Фурко. Однако сейчас не было времени на препирания, как и на слёзы.

В запруде, на самом дне оставалось немного грязной воды. В грязи с трудом копошились испачканные лягушата и пиявки.

Фурко и Мучка принялись спасать свою кладовую. Вытянули весь сброд из грязи, чтобы они там не задохнулись. На суше выловленных пиявок укладывали на спинки. Им это не нравилось. Пиявки ползли в грязь.

Один лягушонок почти скрылся в траве. Хорошо что его заметили. Жалко было бы его потерять — очень хорошо выкормлен.

— Знаешь что, Мучко, — сказал Фурко после долгих раздумий, — Мы так без толку будем мучиться. Смотри, тут с краю был камень. Он задерживал воду и мусор. А сейчас камень исчез. Нам нужно восстановить запруду, чтобы она снова наполнилась водой.

— Я и сама давно так подумала, и тебе сказала, а ты — хоть бы что!

— Но, Мучка, — защищался Фурко, — что-то я не помню, чтобы ты говорила...

— Да точно тебе говорила, именно так и говорила, чтобы ты знал!

Если что-то и знал Фурко, так это то, что Мучку не переговорит даже попугай. А он, как никак, — самая умная птица. Он его ещё не видел, но был наслышан. Поэтому Фурко затих и принялся за работу. Он приносил небольшие палки, листья, маленькие камешки. Из них строил плотину. Дырки затыкал травой.

Мучка ему во всём помогала. И продолжала пилить его, что было бы, если бы её не было, что сам Фурко ни до чего не додумается.

— И тот лентяй тоже мог бы помочь, — вспомнила Мучка о Мурко.

Фурко с ней согласился. Мурко давно уже бил баклуши да таскал калачи. К миске первым поспевал, а к работе последним. Так и сейчас.

— А знаешь, что я сейчас подумала? Всё это сотворил твой остроумный братец. Трудиться он не желает. Только и знает, что валяться да бесчинствовать. Оба вы из одной семьи. Яблоко от яблони недалеко падает.

Последние слова Фурко изрядно разозлили. Пока она его бранила, он всё сносил. Но когда коснулась чести семейства Ежковцов, он выдержать не мог. Схватил хворостину, замахнулся. Мучка тотчас фыркнула, что хочет приготовить Фурко по-

есть и фук под камень. А оттуда ещё и язык ему показала.

— Так и знай, это сделал Мурко. Ничего путного из него не получится. Из тебя тоже вышел бы проходимец, если бы не я. Так и знай! Вот я пойду к своей мамочке и обо всём ей пожалуюсь...

Мучка продолжала его пилить. Даже в плачь пустилась. Правда, она не просто так плакала. В полный голос причитала. А этого Фурко не мог стерпеть. Всё он мог вынести, но только не ежовые колкости. Вполне возможно, что Мучка была права. Вчера Мурко долго кружил вокруг запруды. Потом глаза запачкал, а сейчас его ни слуху, ни духу. Мог и случайно отвалить камень. Вода убежала, и случилось то, что случилось. Однако, прохвост, он мог бы прийти и рассказать, что произошло!

— Ну, погоди, поговорю я с тобой по-душам! — думал Фурко.

Но то был первый приступ злости. Она быстро прошла, стоило только Фурко подумать, что Мурко побоится вернуться домой. В лесу с ним может что-нибудь случиться, и тогда из одного несчастья получится два. Запруду восстановим, лягушата вырастут. А если брат не вернётся, будет ему до смерти досада.

И Фурко отправился кружить по окрестностям, высматривая Мурко.

***

В то время как Фурко терзался из-за Мурко, сам Мурко лакомился возле соляной кормушки. Он землю облизывал. Чем больше лизал, тем обильнее стекали на язык слюнки. Косули и олени хорошо знали, зачем они ходят к соляной кормушке!

Чичибу только глазища тарачила, глядя на то, что вытворяет Мурко. Она тоже охотно ковырялась бы в глине, если бы нашла какое-нибудь зёрнышко или семечко. А глину и песок умеют глотать только туки. Приличная птица вытирает клюв от такой грязи. А тут, смотри, до чего опустился этот ёж! Видно, что он молодой и неопытный.

Муорко и не джумал о своих спутниках. Он так аппетитно лизал, словно боялся, что кто-то его опередит.

— Мурко, — окликнула наконец Чичибу, — у тебя колёсико из головы не выскочило? Знала я многих ежей. Все они пренебрегали глиной. Только ты...

Но Мурко и не думал разговаривать. Он упрямо делал своё дело. Облизал он передние, потом задние лапки. Забыл, что передняя ножка у него поранена и глубоко утопил её в глину.

— Ой-ё-ёй! — застонал он и перевернулся. Соль проникла в ранку и стала обжигать. Ещё хуже, чем его пиявка сосала.

— Ой-ё-ёй!.. Ой-ё-ёй!.. Как же мне-е бо-оль-но, — выговаривал он, подпрыгивая на трёх лапках.

— Ничего гне бойся, ведь я с тобой, — успокаивал его Нуфик, но при этом непрерывно озирался, не кинуть ли ноги за спину, если грозит опасность. — Ты лапу вылижи, и будет хорошо.

Мурко уже знал, что вылизать ранку — самое верное средство для любого зверя. И верно, ранку жечь перестало. Мурко успокоился. И тут он почувствовал что-то другое. Слишком много соли он нализался. Язычок стал сухим. Он почувствовал жажду. Никому ничего не сказал, только заковылял к ручейку, который вытекал из запруды.

Нуфик поскакал следом, чтобы с ним ничего не случилось. Любопытная Чичибу тоже распустила крылья, чтобы не остаться одной.

Вскоре Мурко уже сунул носик в ручеёк и что есть духу лакал воду. Чичибу тоже наклонилась. Затем быстро подняла клюв к небу, чтобы вода легко стекала в горло. Нуфик сунул в воду только лапку. Он протёр ею усы, чтобы они стали ещё красивее.

Вскоре Мурко стал похож на бочонок. Он еле выбрался на берег в мягкий мох. Повалился и остался лежать неподвижно. Хорошая ему выпала передышка. Сложил передние лапки на брюшке и засмотрелся в небо. Звёздочки стали проклёвываться и подмигивали друг другу. Дремота овладела Мурко в неурочный час, когда каждый порядочный ёж пробуждается и идёт на работу. Случилось это наверное потому, что днём он мало спал.

Неподалёку запищал сыч. Кошмаром пронзил его голос этот тихий край.

Нуфик бросился в можжевельовый куст.

Чичибу притаилась между камней. Оттуда высматривала, где хищник летает. Не хотела она достаться сычам на ужин.

Когда опасность миновала, прискакал Нуфик. Он сел возле Мурко, который ворочался беспокойно. Потирал лапками брюшко и стонал.

— Что с тобой? — спросил заяц.

— Боли-и-ит... Боли-ит у меня-а...

— Что же у тебя болит? Жениться пора, а ты то и дело плачешь, — накинулся на него Нуфик, который начал терять терпение.

А у Мурко и в самом деле болело брюшко. Нализался он соли да ещё и воды напился.

Чичибу это сразу заметила и вмешалась в разговор.

— Это пустяки. Я с этим уже знакома. Всегда, когда я должна снести яйцо, у меня немного болит животик. Это сигнал, что надо скорее бежать к гнезду. Думаю, и у тебя болит по той же причине. Ты уже построил гнездо?

Мурко не знал, что отвечать. Возможно, Чичибу права, хотя до сей поры он не слышал, чтобы ежи несли яйца.

— Мурко, быстро ступай за мной, чтобы не потерять яйцо. Я уже построила гнездо...

— Прошу тебя, ты только не трепи языком по всему свету, — отозвался Нуфик. — Ну где ты видела, чтобы ежи несли яйца?

— А как же! — защищалась Чичибу. — Это чистая правда. Наша мама говаривала, что все мы выбрались из яйца, — а нас было много! Она должна была знать, ведь она так много бродила по свету.

— Ой, больно мне, больно... — прервал перепалку Мурко.

— Вы, куропатки, появились из яйца. А мы нет! — возразил Нуфик.

— Да, именно, все вылупились из яйца, чтоб ты знал! Перепёлка тоже несёт яйца. Увидишь, Мурко тоже яйца снесёт. Просто у тебя слишком короткие усы. Ты ещё ничего не знаешь...

Нуфик не упустил бы такого оскорбления, но он не был вполне уверен. Возможно, Чичибу права. Ведь она старше и много летает по свету. Кто знает, вдруг Мурко действительно снесёт яйцо. Он отправился к лесу. Там дождётся Мурко. Стыдился он быть свидетелем такого семейного события.

Чичибу привела Мурко к своему гнезду. Оно и на гнездо-то не было похоже. Это была скорее ямка в молодом клевере. В ямке вдоль и поперёк лежало немного сухой травы, а на ней — два красивых пятнистых яйца.

Мурко тотчас упал в ямку и свернулся в клубок. Яйца ему мешали. Он их вытолкнул на край гнезда.

— Эй, приятель, уж больно ты хитрый, — отозвалась Чичибу. — О чём ты думаешь? Я тебе место уступила, а ты мои яйца выталкиваешь. Оставь их под собой, не то я так тебя клюну, что долго будешь помнить.

Мурко сгрёб яйца под себя и только постанывал. Чичибу его утешала.

— Потерпи совсем немного. Всё это пустяки. Как только снесёшь яйцо, боль сразу пройдёт. Только не кудахтай, можешь выдать гнездо, — наставляла она под конец. Пока Мурко будет мучиться, она хотела бы сбегать в рожь, поклевать чего-нибудь.

Мурко только носом посапывал. Чичибу тотчас упорхнула. Она была уверена, что помогла Мурко. Кто знает. Не высидит ли он ей потомство. Если она сумеет его убедить, будет у неё помощник. Тогда она сможет свободно порхать по межам, коσοгорам и садам. Вскоре и в неурочный час её чичиканье так зазвенело, что птицы головами закрутили.

Опечаленный Мурко терпеливо сидел в гнезде куропатки. Живот у него болел непрерывая. Мучение совсем его одолело. Размышлял он над тем, что наболтала Чичибу. Могло ли быть правдой, что он должен снести яйцо? До сей поры живот так сильно у него не болел.

Ворочался он от боли, и вдруг почувствовал под собой что-то влажное. Осмотрелся, может уже снёсся? Нет. Просто увидел разбитое яйцо куропатки. Оно разлилось по его лапке. Полизал он лапку, чтобы ранку не жгло. На удивление очень вкусной оказалась эта желтоватая тина. Он вылизал не только лапки, но и скорлупки. Захотелось ему ещё. Сдавил он второе яйцо. Оно треснуло. Вылизал его до последней капельки. Даже усики немного запачкал. И боль прошла. У куропатки были очень вкусные яйца. Настоящее лакомство. Что получится, если Чичибу будет нести яйца, а он будет лечить своё брюшко? Себе поможет, и ей не повредит. Пусть несётся. И как можно больше. Чтобы Чичибу не нашла разбитые яйца, он спрятал скорлупки поодаль в клевере. Потом снова свернулся в гнезде. Вытер усики, облизал носик и задремал. Хорошо ему было, поскольку солнышко уже припекало.

Только клевер волновался от лёгкого ветерка. Так его и застала Чичибу.

Чичибу подошла к нему тихонечко. Должно быть, боль у него прошла, раз он уснул. Очень её интересовали ежовые яйца. Никогда ещё она не видела ежовых яиц. Однако будить ёжика не хотела. Яйца могут пропасть, если застынут. Она была очень довольна, что ей пришла в голову такая идея. Теперь у ёжика тоже будет родительская привязанность к её гнезду. Можно не опасаться, что он убежит. Она осторожно подошла к нему и на краешке гнезда снесла ещё одно яйцо.

Однако Мурко не спал. Он всё слышал, когда Чичибу сидела рядом с ним. Только боялся как бы она не обнаружила, что он полакомился её яйцами. Не успела она отбежать, а новое яйцо уже исчезло в его брюшке. Ведь оно было очень вкусным, а Чичибу снесёт столько яиц, сколько ей захочется. Нет, это счастье, иметь под рукой такую Чичибу. Нанесёт яиц, и он может жить на одних лакомствах. Одно его беспокоило: характер у Чичибу был очень вспыльчивый. Может рассердиться и выклевывать ему глаза. Как он потом доберётся до своего камешка? Очень это его беспокоило. Поэтому решил, что лучше исчезнуть подобру-поздорову. Направился он через клевер к лесу. Не пошёл вдоль борозды, чтобы не встретиться с Чичибу.

На опушке леса он набрёл на Нуфика. Тот лежал в ямке под можжевелевым кустом. Непонятно было, спит он или нет, поскольку глаза у зайцев всегда открыты. Хотел он потихоньку пройти мимо.

Вдруг Нуфик наострил уши. Заметил мурко.

— Твоё брюшко уже не болит? — спросил он, когда увидел, как тот резво вышагивает.

— Не болит, — ответил Мурко.

— И действительно снёсся?

— Действительно, — соврал Мурко и охотно ударился бы в бега, поскольку в любую минуту могла вернуться Чичибу. Жалко, что он коготок раздавил. Так он ещё беззащитнее против стремительной куропатки.

Нуфик покрутил головой. Мурко ему не понравился. Он не хотел смотреть прямо в глаза. Поскольку ресниц у Нуфика не было, от него не укрылось ни одно движение Мурко.

— А усы у тебя почему жёлтые? — спросил Нуфик.

Мурко от испуга съёжился. Плохо он вытер усы.

— Знаешь, была такая сильная боль... Думаю, от неё и усы пожелтели.

В этот момент донеслось из клевера чичиканье. Нуфик сразу сообразил, что это было не обыкновенное чичиканье. Чичибу плакала. Горько плакала. Должно быть, с ней что-то страшное случилось. Зайка сел на задние лапки, чтобы лучше видеть. И наострил уши. Только после того как определил, что на опушке леса и в клевере всё спокойно, он осторожно окольным путём пустился к Чичибу.

Он нашёл ее возле гнезда, она ходила кругами и осторожно переворачивала травинки. При этом она так горько плакала, что крылышки подрагивали.

— Что случилось? — спросил зайка, едва перевёл дыхание.

— Случилось небывалое, — жаловалась Чичибу. — Мои яички... такие красивые,

пятнистые... С какой болью я их снесла... В гнезде ни одного... Чихи!.. Это на моей совести... Бедняжка, он мог бы жить, ведь он был так молод... Чихи, чихи!

— О Мурко не горюй. Он жив, — поспешил Нуфик успокоить Чичибу. Он боялся, как бы она от отчаяния что-нибудь с собой не сделала. Она была доброй соседкой. Часто, гуляя по клеверному полю, подсказывала, где клевер вкуснее. И давала знать, если угрожала опасность.

— Минуту назад я был с ним наверху возле норы, — добавило он наконец. И заглянул в гнездо: не увидит ли там мурково яйцо. Нет, не увидел. Какой-то озорник хорошенько гнездо почистил. Ни скорлупки от яиц. И заяц стал размышлять, строить предположения, кто из хищников так чисто работает. Первой пришла на ум лисица. Но та оставляла скорлупки. Это должен быть более прожорливый злодей. Заяц стал обнюхивать гнездо, а Чичибу лишь беспрестанно плакала.

Действительно, в отдалении он нашёл скорлупки: чистенькие, беленькие, словн в них никогда и не было никакого содержимого — так чисто они были вылизаны изнутри и снаружи. И тут ему на память пришли жёлтые усы Мурко.

— Теперь я знаю, кто этот плут! — объявил он опечаленной Чичибу.

— Кто?

— Мурко.

Чичибу верить не хотела, что он так низко отблагодарил её за гостеприимство. И всё же это могло быть правдой. Мурко не любил трудиться. На него часто жаловались Фурко и Мучка. Родителей, которые отчитывали бы его, не было. Вот он и рос озорником. Надо будет наставить его на правильный путь, чтобы из него вырос приличный ёж. Иначе будет позором почтенного рода Ежковцов из-под камня.

Они договорились, что преподнесут ему урок, как надо вести себя в компании приличных лесных и полевых друзей...

Мурко уж конечно же не дожидался возле ямки, когда вернётся Нуфик. Он хорошо знал, почему куропатка так жалобно чихикала. Более всего он злился на усы. Только-только начали темнеть, и уже его предали. Повырывал бы их, так он на них разозлился! Хорошо, что Чичибу расплакалась. Иначе Нуфик продолжал бы его расспрашивать. Тяжело было врать Нуфику в глаза — такие большие и всегда открытые. Определённо, сейчас он вместе с Чичибу выясняет, кто съел яйца. Если Нуфик вспомнит про его жёлтые усы, будет плохо. Скандал.

Направился он на самую вершину холма. Выберет самый крутой откос, чтобы разбежаться и как можно быстрее оказаться у ручейка возле камня. Запыхался немного. Нелегко ему пришлось. Только бы раньше всех добраться до вершины. Там он в клубок свернётся и скатится вниз словно колесо. В гнезде под камнем будет зализывать больную ножку и носа не высунет, пока не забудут о его поступке.

Но чуть только Мурко вскарабкался на вершину, услышал позади топот. Нуфик его догонял. Тут и впереди себя он увидел тень. Куропатка над ним пролетела. Видимо не заметила, так как села неподалёку. Помочь ему мог только Фурко. Он увидел его возле запруды. Тот усердно работал. Наверное, исправлял то, что он напроказил. Вот и от него не может ожидать помощи. Он попал в капкан. Не выбрать-

ся. Загоревал:

— Что же мне, несчастному, делать? Если меня поймают Чичибу и Нуфик, поколотят меня они. Добегу до брата, он меня поколотит...

В отчаянии свернулся он в клубок и наугад пустился вниз в сторону камня. Едва остановился у ручейка, с другой стороны выбежали собаки лесника. Чуть-чуть они не столкнулись с Нуфиком. Едва успел он повернуть к пихтам. Одна из собак за ним помчалась. Другая направилась за Мурко.

Мурко выгнул спину и как следует уколол пса в нос. Пёс пискнул и отскочил. Уже не трогал его. Только злобно лаял, щерил зубы и скакал вокруг. Мурко показалось, что опасность уже миновала. Смотрел он искоса, успел ли Фурко спрятаться под камнем. До него было совсем немного. Всего несколько прыжков. Вдруг он заметил женщину из лесничества. Она подошла к нему и сунула в передник. На пса прикрикнула:

— Тихо, Брок! Ежика возмём детям для забавы.

Она несла его в переднике мимо камня, где он родился, где был его дом. У Мурко сильной болью сдавило сердце; уже не видать ему родного дома, ни Фурко, ни Мучки. Кто знает, что с ним будет? Не оставит ли его женщина на произвол собак или детей-озорников, которые будут терзать его. Если бы ему удалось освободиться, он от запруды не отходил бы. Слушался бы Фурко, вытерпел все укоры Мучки и возмездие куропатки Чичибу. Он даже высидел бы для неё двух птенцов, лишь бы вернуться под камень.

Когда женщина проходила возле домика Ежковцов, Мурко от страха так раздурлся, что уколол ей руку. От испуга отпустила она полу передника. Мурко больше и не требовалось. Бросился он к норе под камнем, а хозяйке и её собакам осталось только смотреть, как его ножки мелькают.

***

Слово своё он сдержал. Стал приличным ёжиком из рода Ежковцов из-под камня.

ОДЗЕМОК — Здесь: словацкий народный танец. — Прим. пер.

ЧИЧИБУ — дословно переводится как Баюшки-баю.

НУФИК — Дословно переводится как Носик.

